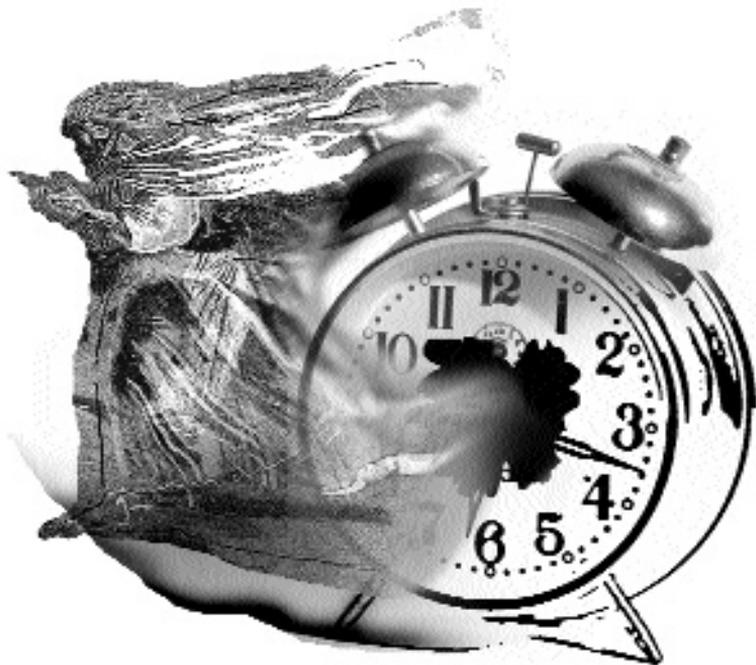

Воронка **Хроноса**

1. Глухие удары во входную дверь возвратили в реальность студента Серова. Чуть ли не до утра корпеть над конспектами вынуждала летняя сессия. Ошалело озираясь, он наконец вернулся из мира абстракций и поплелся в коридор. По пути ударился ногой о выкатившуюся из-под кресла гантель и окончательно ощутил окрест себя мир вещественный.

На пороге стоял сосед с нижнего этажа в трусах и почему-то мокрой майке. Неистовый вид ночного гостя, а главное словеса титульного свойства, быстро напомнили Серову о его намерении освежиться. Однако ванная, как и все прочее на земле, не обладала безмерностью и вода теперь неумолимо растекалась по полу.

Покончив с уборкой, он опустился в кресло. Откинув назад свои жидкие,

цвета выжженной соломы волосы, Серов прикрыл глаза и попытался сосредоточиться. Но в ушах стоял соседский вопль: «Ты, гад, мне за ремонт заплатишь!», — вытеснявший прочие мысли. Некоторое время спустя, его сознание накрыла волна утомленности. Подняв отяжелевшие веки, он тут же ощутил что-то неладное. Казалось, комната лишилась одной из своих стен и очень быстро начала вытягиваться длинным коридором. Эта стена, вместе с висевшей на ней репродукцией с картины Брюллова «Последний день Помпеи», стремительно отодвигалась все дальше и дальше, образуя пустоту. Стало жутко, появилось ощущение наполнения пространства другим, более тонким и в то же время энергетически емким. Оно пропитало собою комнату и тогда стены ее унеслись прочь. Серов стоял по-

среди пустоты, лишенный всяческой опоры. Еще с большим удивлением он осознал, что исчезла не только опора, но и ощущение времени. Оно ускользало из настоящего, устремляясь вспять.

«Боже, что со мной?», — промелькнуло в голове юноши. Мебель комнаты: стол, кресло, книжный шкаф вдруг перестали быть привычными. Стол превратился в потешное сооружение величиной со спичечный коробок, все остальное и вовсе исчезло. Привычный мир исчез.

Сидя на небольшом плоском камне неподалеку от господского дома, он безучастно наблюдал за сборищем рабов, ожидающих очереди за свободой в этот Юбилейный год. Осмотрев свой грязно-серый хитон, он обнаружил, что в ближайшее время ему потребуется основательная починка. Все его имущество составляли верхняя одежда, сандалии да свернутая в рулон ветхая хламида, надеть которую Серов уж давно не решался, но и выбросить ее заставить себя не мог.

Пощупав себя за подбородок, он обнаружил короткую, смолянистую бородку, но не удивился этому, хотя мгновение назад ее не было, да и не могло быть. Растительность вообще весьма скудно распространена была по его телу, но не теперь. Окинув себя взглядом Серов с удовольствием обнаружил рельефно выступающие мышцы рук, крепкие ноги, упругий пресс живота.

— Ахаз! — выкрикнул дородный дядька в подире, опоясанном золотыми ремешками по запястьям рук. — Подойди!

Из толпы поспешно вышел раб лет сорока с бельмом в глазу. Подойдя к дому, он опустился на колени перед хозяином.

— Знаешь ли ты, какой нынче день?

— Да, господин.

— Готов ли ты принять родовые земли обратно?

Раб молчал, и только ниже опустился голову, со спутанными седыми волосами.

— Ну?!

Раб вздрогнул и подавленным голосом прошептал:

— Возьми меня к себе в дом, господин.

Хозяин ухмыльнулся. Он знал, что жалкий Ахаз, немощный, рано состарившийся раб за долги работающий на него вот уже седьмой год, никогда не сможет забрать некогда принадлежавшие ему земли. Было время, когда сильный род Ахаза владел обширными виноградниками, но страшная, опустошительная трехлетняя засуха лишила его родового богатства и свободы. И теперь, имея возможность вернуть имущество и обрести независимость, он добровольно отказывался от них. Невольник понимал: сила и коварство хозяйина безграничны, и прожить ему удастся разве что до заката солнца, прими он такое решение.

— Знаешь ли ты, что войти в дом мой можешь только вечным рабом, без прав на имущество и свободу до конца дней своих?

— Да, господин.

— Хорошо. Встань и подойди к двери.

Ахаз приблизился к деревянному дверному косяку жилища и вновь опустился на колени. В руках хозяина сверкнуло острое шило, и он ловко пришил левое ухо раба к косяку. Тот вздрогнул, и жиденькая кровяная струйка пролилась из ранки, но вскоре засохла под палящими лучами солнца, извилистой коркой на щеке и подбородке несчастного.

— Не навсегда забыт нищий, — между тем вещал господин. — Пред Всевышним Элом — творцом и владыкой небес, земли и всего сущего, я, Йауш, позабочусь о благоуспешности этого человека.

Взяв с серебряного блюда динарий — поденная плата вольного работника — он отдал его рабу, в покорной благодарности припавшего к руке властелина.

— Ступай. Возблагодари господина и господина своего, — величественно приказал Йауш и, окинув толпу смиренно стоящих перед ним невольников, крикнул. — Наум! Подойди!

Никто не шелохнулся и не откликнулся на призыв. Тревожная тишина воцарилась в толпе.

— Ну же, Наум! — грозно повторил Йауш.

«Смотри-ка, какой неустрашимый Наум, — подумал Серов, счищая налипшую грязь с подошв сандалий. — Интересно посмотреть на этого типа. Вот черт! Где это я грязь нашел в этой пустыне?»

— Третий раз взываю: Наум! Походи!

И тут до сознания Серова дошло, что Наум — это он и есть, Дмитрий Серов, волею Бога, а может черта или еще кого, оказавшийся здесь в чьем-то очень удобном теле.

— Здесь я! — отозвался Серов-Наум, не отрываясь от увлекшего его занятия. — Говори!

— Да ты дерзок, Наум! Видать сам Эл лишил тебя мудрости, ибо только она вознесет голову смиренного и посадит его среди вельмож.

— Куда мне убогому до вельмож, — усмехнулся Наум.

— Уста твои лживые, воздают зло за добро. Яд ненависти источают они за любовь мою. Затвори же их! Покопись сильному!

— Сильному — это тебе, Йауш? А насколько ты силен? Не много ли ты взял на себя? — ехидно процедил Наум, подбадриваемый одобрительными смешками из толпы. — Ты, Йауш, сам-то помнишь, какой сегодня день? То-то. Я Наум — хитростью и безмерной алчностью твоею завлеченный в рабство с сего дня не должен тебе. Сердце мое воспламенилось и говорю я тебе своим языком, Йауш, что не человек ты, но призрак. Ходишь ты среди нас и не знаешь, кому достанется то, что суетою собрано. Не пора ли усмирить похоть, да у Эла вымалывать спасение за окаянство свое?

Йауш потемнел лицом. Сдержатъ бешенство было не легко. Покрасневшие глаза сузились в щелки, под густой бородой играли желваки в бес- сильной злобе, но, быстро совладав с собою, он ответил:

— Правда только в том, что за тобою выбор: можешь остаться при до-

ме, а можешь идти прочь. Не всякого человека вводи в дом свой, ибо много козней у коварного. Ступай с миром.

В течение всей этой словесной перепалки стояла тишина, и только издалека, со стороны храма, там, где жрицы-блудницы ткали для Ашеры одежды, доносилась мелодия неведомого инструмента — Шушан-Эдуфа. — Воистину говорят: «Куда не целуй паршивого раба, всегда угодишь в срамное место».

Толпа заготала. Наум не стал дальше испытывать судьбу и с достоинством медленно пошел прочь. Кто-то по пути схватил его за локоть и прерывающимся шепотом спросил:

— Куда же теперь, Наум, — до боли знакомое, испещренное глубокими морщинами лицо, излучало участие, — к бродягам — иврам.

— В Таршиш.

— Но ведь это Край света?!

— Именно. Слышал я, что на те земли божья власть не простирается.

— Не Наумом тебя следует именовать, но Навалом, что значит безумным...

Науму не хотелось говорить с незнакомцем. Он твердо шагал в направлении неведомой страны, и нестерпимое полуденное солнце жгло его спину, подгоняя к заветной цели. За спиной послышался шорох шагов приближающегося человека. Но тут воздух заструился, пространство начало стремительно сморщиваться, кругом завертелось, и в ту же минуту мутная пелена застлала глаза Наума.

Мучительное пробуждение сопровождала ломота в негнущихся членах. «Будто всю ночь палками охаживали. Да, это организм не Наума, — мрачно подумал Серов. — Что за бред мне снился? Не отличишь где видения, а где явь». Приходить в себя совсем не было времени, надо бежать на предэкзамениционную консультацию.

Сырость, характерная для московской погоды начала лета, взбудрила Серова. Осененный серым саваном

нескончаемой облачности городской ландшафт не располагал к степенной ходьбе. Люди, огибая бесчисленные лужи, стремились поскорее добраться до учреждений, поглощающих их толпами на весь день, изрыгнув обратно только к вечеру, когда они столь же быстро мчались к своим домам. Мало кто обратил внимание на молодого человека бежавшего к метро, и только постовой милиционер, на котором форменная сорочка так и не соединилась с брюками на внушительном животе, обнажая полосу белой майки, мельком глянул на него, почесал затылок и равнодушно отвернулся...

Возле аудитории шумела толпа студентов.

— А-а! Вот и Митька! — крикнул один из них. — Зря торпишься. Халдея нашего ночью увезли в реанимацию. Инсульт.

Арон Евсеевич! Вот кому принадлежало до боли знакомое лицо в ночном сне или видении.

— Пойдем, Митька, пиво пить. Народ жаждет перед завтрашней трепкой мозга просветлить, — продолжал тот же студент, приятель по учебной группе Зотов, неизменный участник и инициатор всяческих безобразий. — Слушай, а что это у тебя за штиблеты такие? Где нарыл эксклюзив?

Серов глянул вниз и обмер: на ногах красовались изрядно поношенные сандалии воловьей кожи, те, с которых он так тщательно счищал грязь, раздражая Йауша. Но как это могло произойти?! Материализация видения, неуправляемой фантазии мозга? Возможно ли?

— Да-а-а... — протянул Зотов, разворачивая хламиду, найденную приятелями под креслом. — Неужто тряпиче две тысячи лет? Если продать кому надо... Это как же озолотиться можно!

— О чем ты?! Ты хоть понимаешь, что я натолкнулся на неведомое доселе измерение!

— У меня тетка в Харькове, на Холдной горе живет, неврастеничка

страшная. Микроспия у нее. Насмотрится сериалов, возбудит чего-то там в себе, а после все ей, как и тебе, кажется, что мир окружающий уменьшается. Был я у нее прошлым летом, вот где настрадался-то...

— Это совсем другое.

— Да, это другое. Но почему ты в Иудею попал? Какое отношение ты к ней имеешь? Серов! а ты не еврей?

— Да вроде нет. Хотя теперь ругаться ни за что не могу. Но это барахло мне не по наследству досталось! Здесь что-то психика чудит, именно в ее глубинах кроется пятое измерение. Посуди сам: восприятие вне пространственного многообразия и событийности — времени, невозможно. Но обращал ли ты внимание на такое явление: ожидание замедляет течение времени, а скажем, когда сидишь на экзамене, или удовольствие какое-нибудь получаешь оно пролетает в один миг. Все зависит от обстоятельств, которых пребываешь.

— Какой же механизм этого психического перемещения? Можно ли его смоделировать, а значит, и найти управление им.

— Вырваться из времени, так чтобы прошлое могло озарить настоящее, — задумчиво произнес Серов, оперев немигающие глаза в покосившуюся картину. Лицо его выражало упорную работу мысли, глаза блестели и на висках выступили мелкие росинки пота. Через минуту он оживился: — Запиши, я надиктую все подробности того, что происходило до погружения в бессознательное.

Покончив с записью рассказа приятеля, Зотов разочарованно изрек:

— Не густо. Мокрая майка, «за все заплатишь!», Брюллов... Не топить же соседа! Еще морду набьет. Мн-да... А в котором часу бредил ты?

— Что-то около трех ночи.

— Мне думается, что внешние атрибуты не определяющие. Здесь надо воспроизвести твое тогдашнее психическое состояние. Еще раз: ты сидел весь день над халдейским мракобесием, затем небольшой соседский

моральный нажим, после чего физическая нагрузка, отдых и... комната вытянулась в коридор. Уснул? Не известно. Психика заигралась? Безусловно, но откуда это, — он кивнул на сандалии и хламиду, — вот в чем вопрос, как принц один Датский говаривал.

— Послушай, мы уже полдня разрушаем мозги моим бредом, а это означает созревание их до вчерашней кондиции. Проверим теорию до конца, — при этих словах Серов неожиданно схватил приятеля за грудки и что есть мочи заорал. — Ты куда, подлец, мой конспект подевал?!

— Ка... какой... конспект? — пролепетал Зотов.

— Да никакой, балда. Твою же теорию проверяем. Живо хватай гантели и верти их до одурения.

Через пять минут, смахнув выступивший пот со лба, Зотов рухнул в кресло.

— Закрой глаза и не о чем не думай!

«Брюллов. Причем здесь Брюллов... Не думай... ни о чем... думай», — мысли гасли, пространственная юла набирала обороты...

За сырой стеной комнаты, больше похожей на кладовую, послышался невнятный шум. Зотов, нащупав в темноте дверь, поспешил наружу вверх по лестнице. Преодолевая ступени, он с неудовольствием отметил, что каждый шаг, сопровождаемый тяжелым дыханием с хрипом, рвущимся из груди, ему дается с трудом. К тому же, тупая, тянущая книзу боль в животе и ломота в пояснице делали мучительным существование. «Что за чертовщина со мной творится?» — с тревогой подумал он, переводя дух на очередной ступеньке.

Наконец, выбравшись на свет, с ужасом обнаружил, что он вовсе не Витя Зотов, а какая-то баба невероятной тучности и довольно немолодого возраста. «Неужто переместился? Но куда, в какое время?», — осмотревшись, он понял, что присутствует при каком-то природном ка-

таклизме. Земля, по которой носились обезумевшие люди, была усеяна толстым слоем пыли и песка вулканического происхождения. В отдалении догорали деревья инжира, возле которых в беспорядке лежали трупы людей, животных, птиц. «Да ведь это Везувий!», — мысленно воскликнул он, увидев конус вулкана, над жерлом которого клубились газы; лава, сжигая все на своем пути, медленно напозла на город. Величественная картина всеобщего уничтожения завораживала. Лучи солнца, с трудом пробивающиеся сквозь насыщенный пеплом воздух, не в силах были разогнать сумрак, усиливающий ощущение присутствия на Страшном Суде.

Оцепенение овладело Зотовым, и только толчок землетрясения вернул его к реальности, и он, подобно другим обезумевшим от страха горожане, понесся вдоль улицы, усеянной обломками строений. Но не приспособленное к длительным нагрузкам тело потребовало остановки. Встав возле обугленного инжира, он тут же получил ошутимый шлепок по заду, заставивший двигаться дальше.

— Ну-ка, курица, поддай жару! — раздался за спиной пьяный голос центуриона, быстро перебирающего своими короткими ножками в направлении «куда глаза глядят».

Зотов попытался обернуться всем своим неуклюжим телом, и не заметил трупа юноши с еще тлевшим на нем платьем. Споткнувшись о ноги, он полетел наземь, больно ударившись локтем о валявшийся шлем легионера. Центурион ловко перепрыгнул через нелепо распластавшуюся «курицу» и быстро скрылся вдали за пепельной завесой. Краем глаза Виктор успел разглядеть этого доблестного воина... О боже! — да ведь это Арон Евсеевич вприпрыжку спасал свою шкуру.

Как только Зотов, кряхтя, поднялся на локти, произошел очередной подземный толчок. Силы его было достаточно для обрушения крепостной стены, накрывшей навеки останки людей, животных, птиц, а

вместе с ними и Виктора Зотова — случайного свидетеля канувших в лету событий.

— Ну, ты как? — над ошалело хлопающим глазами Зотовым склонилось размытое, будто подернутое дымкой лицо приятеля.

— Сколько меня не было? — потирая ушибленный локоть, спросил Виктор.

— Где не было?

— Не валяя дурака! Сколько времени прошло с того момента, как я закрыл глаза.

— Данисколько. Ты только что гантели крутил минуту назад.

— Да? Вот черт! Я же в образе какой-то бабищи был в гостях у Брюлова! Теперь ясно, как нужно управлять пространственными и временными перемещениями. Надо в последний момент перед замиранием сознания усиленно думать об этом. В прошлый последний, что я подумал, было: «Боже! что со мной?». Вот и получил Иудею. А сегодня я про Брюлова зачем-то подумал.

И он вкратце рассказал о своем пребывании в Помпее.

— Одно не понятно: какова во всем этом роль этого старого паралитика Арона Евсеевича?

— А может, вовсе и не паралитика, — задумчиво отозвался Серов. — Ты не знаешь, над чем он работал в последнее время?

— Гм...

— Ладно, пока оставим его в покое. Итак, очевидно, что никакого физического перемещения нет, все происходит исключительно в мозгу, который непостижимым образом синтезирует не только видения прошлого, но и овеществляет некоторые предметы из него. Механизм возвращения абсолютно не ясен. Думаю, мозг, немного отдохнув, приводит работу психики в штатный режим.

— Ну-ка, Митя, хватай гантели, проверим работу управления временем. Думай о Руси, скажем XVII века и возьмемся за руки для верности.

— Держу я, братья, три десятка свынней. Жрут же, бисово отродье, ну як... свынни, чтоб им повывлазило! Поубывал бы, ей Богу! — жаловался на трудности быта чернявый казак лет 30, разливая горилку по глиняным кружкам собутыльников. — Ну, нехай усе уляжется!

Серов вслушивался в разговор слегка захмелевшей троицы, разместившейся за столом у окна. Ухарского вида казак бражничал, угощая, по случаю прибавления в семействе: жена разродилась казачком. Вот уж с неделю он не мог остановиться от беспробудного пьянства, заливая радость сивухой. Своего же кума — казака постарше, с заметной сединой в курчавой бороде, он не угостить не мог, и теперь в компании, с чернецом-странником, никому неизвестным стариком, они, распечатав четверть, закусывали поросенком и гречневой кашей.

— Придет время — зарежешь, — отозвался кум. — Тебе бы, куманек, пора прекращать веселиться. Есаул уж справлялся: как долго, мол, Гришка на хуторе прохладиться будет. На Азове дело сурьезное, не ровен час, зачем турка щупать, а ты чего же это... Нехорошо! Знаешь же, как Евсеич лют бывает, он тебе не какой-нибудь Федька Ртищев, в приюте от бражничества выхаживать не станет. Высплет розог, так год на коня не сядешь.

По лицу Григория пробежала тень. Он живо себе представил разъяренного есаула Луку Евсеевича Колесо, не знающего жалости казака.

— Вся зараза оттудова, из Москвы, — отозвался чернец, — людодерством народ измучили, церковь божескую похерили, кукишем лбы крестят. Куды Русь святая катится?

— А ты, старец, не из раскольников будешь? — прищурился Григорий, гоня от себя назойливый образ есаула. — Не из староверов?

— Может и так. Хиба для вольного казачества в этом причина есть какая?

— Да я не супротив, все наши древние по старому обычаю спасались. Я старину чту, главное чтобы

не олатынился люд московский, не предал веру святую, ведь животы кладем за нее, — с пафосом закончил молодой выпивоха, взглядом ища поддержки у кума, жующего свиной бок. — Не налить ли по маленькой?

— Добрая мысль, — согласился странствующий монах. — Латиняне — это первейшее зло, хуже турка будут. Оно, конечно, люди-то мы так себе: ленивы, ни в жисть придумать чего не можем, коли не покажут, взять вот хотя бы тебя Михалыч, — ткнул он поднятой кружкой в казака постарше, — обидит тебя кто, ну хоть есаул, ведь все одно помиришься и забудешь о той обиде. А латынянин нет. Он затаится, делает вид, что примирился и ждет случая к отмстке. Мы так не можем, оттого и сидим в плесени да застарелой дикости.

— Дикость наша от необразованности, от пристрастия к чужebesию. Обиды тут не причем, — откликнулся Михалыч, поставив опорожненную кружку на стол. — А на есаула какая обида может быть? Выпорет — так я за науку поблагодарю. Это так!

В это время дверь распахнулась, впустив густого морозного пара в темное помещение кабака, и на пороге предстал новый посетитель. Монотонный гул голосов тут же смолк, но спустя мгновение возобновился с новой силой. Человек, по одежде которого можно было судить о его великородности, немного постоял, всматриваясь в посетителей, и уверенно направился к столу Серова, сопровождаемый напряженными взглядами казаков. Сев на лавку напротив него, он вполголоса проговорил:

— Тебя, Митя, сам черт не распознает. Рубище-то на тебе...

— Вестимо дело, по специальности, — пошарив в суме, Серов извлек кружку и демонстративно погремел медяком в ней. — А ты, Витек, никак забурел.

— Да уж. Из Посольского приказа депешу везу. Однако, в этот раз мы с тобой вдвоем...

— Благородный пан! — прервал

Зотова Михалыч, степенно приближающийся к их столу с кружкой до краев наполненной горилкой. — Не побрезгуйте, примите от чистого сердца за прибавление в казачьем войске. Кум расстарался.

Зотов поднялся навстречу. Небрежно скинув медвежью шубу на пол, он принял кружку, шумно выдохнул и принял к ней. В первое мгновение ему показался напиток не очень крепким, в половину слабее теперешней водки, и он без усилия допил до дна. Крякнул, вернул кружку подносящему.

— Благо..., — но тут же, каким-то ловким движением, был схвачен за ухо цепкими, заскорузлыми от вечной работы, пальцами. Молниеносность действия ошеломила Зотова. Придавливаемый книзу он вынужден был сесть на лавку, низко, к самой столешнице, склонив голову. Из его налившихся кровью глаз ручьями текли слезы. Силясь что-то сказать, он в бессилии открывал и закрывал рот, словно ему не хватало воздуха. Свирепость казака не оставляла надежд на то, что ухо останется на прежнем месте.

— Сучий потрох! Письма воровские привез от Кузьки Косоого? Вырядился-то как, а? Гришка! Возьми с ребятами чернеца, бейте его батогами, да к атаману, чародея. А с этим я сам...

— Дяденька! Да как же это, что же это... — залепетал Митя. — Отпусти ты его Христа ради, ведь уха лишишь людну безвинную.

— Цыц, побирушка! Ты как говоришь с казаком?!

Со всех сторон посыпались советы зрителей разворачивающегося позорща: «Ты его мордой-то об стол, чтоб юшкой изошел поганец!» и другие в таком же духе.

— Что за шум, каналы! — раздался зычный рык есаула, появление которого осталось не замеченным за возней подвыпивших казаков. Это был сухой, крепкий казак лет пятидесяти, обладатель высокого лба и острого носа. Его плешивый, бугристый череп, густо покрытый пигментными

пятнами, лучился, отражая бледные блики пламени свечей. Уперев кнут в грудь чернеца, удерживаемого Гришкой, он хмуро спросил:

— Это кто? Молчать! В холодную его! — добавил он, наливая себе из наполовину опустевшей четверти мутноватой жидкости.

— Пан есаул! Помрет он в холодной-то, — подал голос Гришка.

— А, нехай! — беззаботно буркнул Колесо, махнув рукой.

— Слухаю! — весело откликнулся казачок, выталкивая наружу упирающегося монаха.

— Пусти-ка, Михалыч, барчука. Поглядим, шо це за фрукт.

Подняв красное, с раздувшимися от напряжения жилами лицо, Зотов остолбенел. Перед ним, хрустя соленым огурцом, восседал на столе Арон Евсеевич собственной персоной! Его морщинистое, несколько коричневатое лицо, поражало натянутой маской равнодушия к окружающему, скрывающей притаившуюся в глубине души муку. Только в глазах едва искрилось любопытство.

— Ну, что, субчики, вяпались, — устало проговорил он. — Сколько же за вами гоняться надо, а? Ты Зотов, насколько я знаю, известный на курсе бездельник, а тебя что-то я не признаю. Никак Серов? — и уже обращаясь к казачку, столбом подпирающего косяк дверного проема. — Ты, Михалыч, поди-ка, распорядись насчет коней. Мерзавцев с собой заберу, а вы с Гришкой в сопровождение.

— Слухаю!

— Какой сегодня день?

— В Москве было 2 июня, завтра экзамен.

— Значит, я прилип основательно. Больше суток болтаюсь по времени. Боже! за это время я проживаю уже седьмую жизнь! Что случилось, почему я застрял? А ну, говорите скорее!

— Мы не знаем, — отвечал Серов. — Сообщили, что вы в реанимации, инсульт у вас.

— Ах ты черт! Вот в чем дело! Слушайте внимательно, обормоты. Не знаю, как вам удалось нащупать канал, над которым пыхтел 20 лет,

видимо я уже не выберусь, но как только психика успокоится, мозг немного отдохнет, то вы из этого состояния выйдете. Похоже, что у меня оторвавшийся тромб блокировал какой-то важный сосудик, и я именно поэтому в сознание не прихожу. Немного полезных советов. Не ломайте головы над материализацией некоторых предметов из прошлого. Это фантамы. Точнее энергетическая плотность информации о них, вытащенной из генетической памяти. Проходит несколько часов, может суток, и они распадаются, становятся невидимыми... Что это я отвлекаюсь. Итак, вас занесло в 1583-й год. Он перенасыщен какими-то временными флуктуациями. Путь обратно лежит через июль 1942 года. Даю историческую справку: немцы, окружив к концу мая Харьков, двинули свою Южную группировку к Сталинграду, Ростову-на-Дону, Воронежу... Окруженцы из-под Харькова отступают, кое-как организуя отход, в направлении Воронежа и Сталинграда. Вот среди них, скорее всего, вы и окажитесь... Год не простой, но вполне преодолимый. Главное, не утонуть - иначе сгинете навеки. Какая-то связь меж водой и рекой времени - Летой имеется. Лет 15 назад мне выпало утонуть, после чего перемещения сделались неуправляемыми. До сих пор не могу до конца отрегулировать механизм. Помните, держаться подальше от воды. И еще. У меня на кафедре в столе лежит тетрадка с расчетами. Вам следует...

Но приятели так и не услышали, что им следует сделать с этими расчетами. Грубой работы столы и лавки питейного заведения закружились вихрем, бревенчатые стены рассыпались, обнажая заснеженную приазовскую степь, и пространство вытянулось спиралевидным тоннелем, увлекая внутрь себя студентов.

Жесткие прутья густого кустарника нещадно хлестали по лицу Серова. Он, как и многие другие отсту-

пающие по бескрайней Донской степи красноармейцы, забрел подальше от палящего солнца в попавшуюся на их пути лесополосу, преимущественно состоящую из дикого абрикоса. Через плечо была перекинута противогазная сумка, на дне которой лежали два сухаря и краюха заплесневелого хлеба. Фляжка, болтающаяся на ремне, была пуста, и не было никакой возможности утолить мучавшую его жажду. Оружия при нем не было. До Дона еще не менее десятка километров, по словам Федосеевича, оружейного мастера где-то под Харьковом разбитого полка, и поэтому надобно набраться терпения и идти, идти... С Федосеевичем его свела длинная дорога отступления, и они, деля скудный запас провианта, помогая друг другу, брели, вот уже какой день, по степи в надежде оторваться от наседавших немцев.

Вскоре реденький лесок закончился и измученные бесконечным отступлением бойцы, в кровь посбивавшие себе ноги, вновь оказались под солнцепеком. Невдалеке показались разбитые машины танкового батальона. Ранним утром, попав под бомбежку, легкие «БТ-7» закончили здесь свой боевой путь. Здесь же, меж разбитой техники, возле сломавшегося санитарного «Студебеккера» с ранеными, бесновался какой-то лейтенант, размахивая пистолетом «ТТ» и грозя пристрелить всякого, кто двинется дальше и не займет оборону. Его обезумевшие глаза лихорадочно блестели на исхудавшем, обросшем недельной щетиной, лице. Давно не стриженные, сальные волосы наполовину прикрывали лиловое ухо.

Но никто не обращал внимания на лейтенанта. Смертельно уставшие, ко всему безразличные, с печатью обреченности на лице люди, охваченные только одним стремлением — скорее добраться до Дона, тенями брели мимо офицера.

— Воздух! — раздалось в толпе, и картина унылого отступления ожилилась. Красноармейцы бросились в

рассыпную — подальше от грунтовой дороги в степь, ища и не находя хоть какое-нибудь укрытие. Глянув в злоеющее безоблачное небо, Серов увидел, как один за другим «Лу» сваливались на правое крыло и, срываясь в пике, с невыносимым завыванием неслись к земле. Отбомбившись, самолеты вновь уходили ввысь, готовясь ко второму заходу. Серов зажал уши ладонями, чтобы не сойти с ума от этого звука — предвестника смерти. Настала минута, та, что отсчитывает мгновения жизни, милостиво отпущенные вжавшимся в землю бойцам.

Он лежал на мягкой донской земле, и горячий ветер щекал его ноздри ароматом степного многоотравья. Почему-то именно сейчас он пытался постичь, что же движет божьей коровкой, взбирающейся по длинному колоску. Какие такие силы толкают ее к оконечности стебля, чтобы, достигнув его, расправить свои крошечные крылышки из-под пятнистого панциря и улететь подальше от этого кошмара. Но несчастное насекомое так и не достигло цели. Плотный накат взрывной волны унес букашку в неизвестность. Вздрыбленный грунт увесистыми комьями обрушился на Дмитрия. На зубах закрипела земля, а в нос полез запах тола, источаемый клубившимся дымом из воронки, что образовалась всего в десятке шагов.

«Вроде обошлось», — пронеслось в голове. Он посмотрел в небо и с облегчением отметил, что «Штуки», выстроившись в боевом порядке, не стали заходить для нового бомбометания. Они полетели дальше, к Дона, терзать переправу. Их темные силуэты растворялись в нежной лазурной дали, унося на крыльях смерть. Но тишины не наступило. Завывающий нечеловеческий стон раздался в трех шагах от него. Пружинисто поднявшись, Серов двинулся к несчастному. В траве корчился Федосеевич, придерживая двумя руками выпадающие из вспоротого осколком живота внутренности.

Серов не обнаружил в себе сост-

радания. Он равнодушно взирал на муки товарища и с тихой радостью думал лишь о том, что в этот раз смерть обнесла его своей последней горькой чашей. Подобное уже бывало в его жизни. Однажды, в переполненном людьми метро он стал свидетелем внезапной смерти одного из пассажиров. Так иногда случается в мегаполисе.

Люди, исполняя установленный кем-то свыше порядок, толпами перемещаются по опутанной подземельем Москве. Выныривая на поверхность для исполнения еждневной бессмыслицы бытия, называемой общественными обязанностями, они мало замечают протекающую мимо них жизнь. И вот однажды из этого людского потока смерть выдернула одного из этих несчастных. Тут же собралась толпа, еще не остывшая от сумасшедшего бега, до конца не осознавшая произошедшей трагедии. Какая-то юркая женщина, растолкав молчаливо глазевших на исходящего пеной человека, пробилась к нему и попыталась реанимировать работу сердца энергичными толчками в грудную клетку. Но безуспешно.

Толпа быстро таяла, и только Серов еще долго стоял неподалеку с ощущением сладкой истомы от сознания того, что смерть пришла к кому-то постороннему, а не к нему. Он дождался, сначала милиционера — дежурного по станции, а потом и медиков с носилками, забравших тело, и в этом ожидании было что-то странное. Легкое, очень приятное волнение овладело тогда им.

Вот и сейчас, стоя в развороченной бомбами степи, ему, также, как и тогда в метро, не было грустно, на него не нашла меланхолия, что обычно охватывает человека, вдруг осознавшего бренность всего сущего, не испытывал он и страха. Только чувство досады появилось оттого, что пришло время лишиться такого удобного товарища по многодневным скитаниям в степи.

— Танки! — истошный вопль возвратил Серову притупившийся инстинкт самосохранения. Он припус-

тил за толпой убегающих бойцов. Проносясь мимо разбитого санитарного «Студебеккера», превратившегося после налета в месиво из кусков человеческого мяса и обрывков металла, он подумал: «Прет и прет! Да как же мы раздавили эту гниду?! Откуда силенок набрали?».

В отдалении показалась спина лилового лейтенанта. Его потемневшая от пота и пыли гимнастерка выделялась среди бегущих воинов качеством сукна. Щеголеватой фуражки на голове уже не было, и только зажатый в руке «ТТ», в обойме которого не было ни единого патрона, символизировал всю мощь Красной Армии в этот момент.

Передовые машины железного кулака 24-й танковой дивизии Вермахта, стремительно продвигались к Дону, почти не встречая сопротивления на своем пути. Обрушившиеся в середине июля ливневые дожди и перебои с горючим не смогли надолго оттянуть сосредоточение сил западнее устья Дона — для организации плацдарма. Но и с этой задачей, обеспечением накапливания сил с целью организации прорыва к Сталинграду, успешно справилась танковая дивизия «Великая Германия», перемалывающая силы обороняющихся русских. Только к концу месяца советским войскам силами 1-й и 4-й танковых армий удалось провести довольно результативные контрудары, после которых наступление 6-й армии Паулюса несколько ослабло, но не надолго. Механизированные корпуса войск группы армий «А» и «Б» рвались к Дону, и дальше к Сталинграду, Краснодару, развизывая наступление на Кавказ. Казалось, нет той силы, что способна была бы остановить этот отлаженный, чудовищный немецкий механизм.

Все это Серов смутно помнил из школьного курса истории. И про 227-й приказ «Ни шагу назад!», и заградительные отряды, и штрафбаты. Но теперь, он всей своей шкурой почувствовал, что такое летнее отступление 42-го...

Разрывы снарядов подстегивали

красноармейцев к спасительной прибрежной полосе леса, что буйно разросся у Дона. Буквально вломившись в лес, вконец обессилевший Серов, рухнул в прохладную траву, осененную ивами, дикими абрикосами, вишней, и еще какими-то деревьями, названий которых он не знал.

Он уже не заметил, как с дерева, по своей тоненькой паутинке спустился к нему на спину паучок, как на щеку деловито начал взбираться муравей, как прилетел слепень и сел ему на ладонь. Он не чувствовал этих легких прикосновений природы, его сознание провалилось в тяжелый сон.

Утренние порывы ветра сдули молочные хлопья тумана с Дона, словно сдернули покрывало с величественной картины просыпающейся природы. Смутные очертания баржи, доселе невидимой, пришвартованной к берегу и мерно покачивающейся на поднявшейся волне, явственно проявились под лучами восходящего солнца. Шум прибрежных кущей заглушал лай сторожевых псов и команды горластого фельдфебеля, руководившего погрузкой пленных. Чуть поодаль, на возвышенности, стоял походный столик, возле которого скупал Арон Евсеевич, мерно постукивая стеклом по голенищу. С нескрываемым отвращением он наблюдал, как загружалась ветхая посуда пленными красноармейцами, прогоняемых меж шеренг автоматчиков, с трудом сдерживавших собак. Почувствовав мерное сопение за спиной, он понял, что рабелепный денщик пристроился сзади в ожидании распоряжений. В руках холуй держал поднос, в качестве которого служила перевернутая кастрюльная крышка, с серебряным кубком, вероятно реквизированным из церкви, и початой бутылкой коньку.

— Господин капитан, — послышался сбоку приглушенный рык фельдфебеля, — фельдшер обнаружил

12 инфицированных. Вероятно гепатит. Говорит, что существует опасность заражения конвойных. Прикажете провести дезинфекцию?

Арон Евсеевич медленно повернул голову и обнаружил ухмыляющуюся, лоснящуюся жиром рожу тыловика. Испещренная оспинами физиономия, покрытая рыжей щетиной, вызывала омерзение. Капитан, подняв руку, шелкнул в воздухе пальцами, и тут же, восторженный денщик с подносом в руках молниеносно предстал перед офицером. Взяв в руку кубок — некогда бесцельную церковную утварь — Арон Евсеевич понюхал содержимое и выцедил коньяк до последней капли мелкими глотками. Зажмурившись от удовольствия, он, постоял несколько секунд, прислушиваясь к теплу, приятно разливающемуся по телу, после чего уставился на фельдфебеля, нещадно буравя ненавистную физиономию холодным взглядом. Наконец, выдержав внушительную паузу, произнес:

— Что за вид, Курт? Что о нас подумают эти... — Он помолчал, подбирая подходящее слово, но так и не найдя его отвернулся, уперев взгляд в реку. Ветер стих и вместо легкого волнения Дон подернулся мелкой рябью, на которой покачивались утки у противоположного берега. Солнце поднималось все выше и остатки утреннего тумана вовсе развеялись. — Вы совершенно не заботитесь о своем имидже, фельдфебель!

— Слушаюсь! — вытаращив от удивления глаза, козырнул Курт и бегом, неуклюже перебирая короткими толстыми ногами, затрусил к барже. Арон Евсеевич, пожевав губами, вторично шелкнул пальцами, и мгновение спустя до краев наполненный сосуд был у него в руке.

Волею судьбы случилось так, что он, Арон Евсеевич Гельман, скромный московский житель, преподаватель и даже, как сам выражался, «слегка ученый человек», оказался здесь, вблизи Сталинграда в обличье немецкого капитана, чистых кровей арийца. После того, как во времен-

ную воронку засосало этих двоих, как их там... в общем, двух бездельников, все пошло наперекосяк, и он почему-то стал материализоваться исключительно в виде служивого люда. К чему бы это? Кстати, каким это образом им удалось нащупать воронку? Вряд ли эти юные пивососы додумались до стимуляции диадинамическими токами гипоталамуса. Тем более распознать форму сигнала, его амплитуду и частоту модуляции. И все же, как связаны между собой вода и время? Гипоталамус, помимо всего прочего, регулирует водные потоки в организме. Изменяя концентрацию воды через реабсорбцию ее в канальцах почек, он управляет ими. Механизм очень тонок, и не этим балбесам в нем разобраться. И все же они где-то здесь...

И впервые кто-то из них появился в облике Наума. Тогда, провожая его в Крайние земли, он был наушником Йауша. После того, как освободившийся раб покинул пределы двора, он кинулся к хозяину.

— Ступай за ним, — тихо приказал Йауш, и из складок одежды извлек кинжал, редкой финикийской работы, — и избавь нас от этого человека. Он злое мыслит, язык его змееподобен, источает яд аспиды, отравляя благочестивых. Да свершится во имя Господа очищение стада твоего! Да избавь сынов израилевых от поношения!

Гельман поклонился, и, пятясь задом в согнутом положении, выкатился вон со двора. Спрятав кинжал поглубже в своем хитоне он припустил за Наумом, едва видимым в отдалении.

«Как и полагается, нечестивый в гордости своей преследует бедного, а же всего лишь инструмент для удовлетворения «похоти» сильного, — с иронией подумалось ему. — Только забыл Йауш одну известную аксиому: уловится нечестивый на ухищрениях, что сам вымышляет».

Спустя некоторое время, порядком запыхавшись, он настиг Наума. Место для расправы было подходящее: разросшиеся смоковницы укры-

ли бы злодеяние. Схватив жертву за плечо, он крикнул:

— Ты ошибаешься, Наум! Нет никакой Крайней земли. Есть только Иудея и ... — он умолк в удивлении. Пальцы, те, что секунду назад с силой сдавливали плечо, неожиданно прошли сквозь него, не встречая сопротивления плоти. Наум, так и не обернувшись, начал исчезать, вернее, сказать, таять в воздухе, словно кубик сахара в горячем чае. — Вот так дела! Неужели энергетический фантом в момент перемещения?

Испытав сильнейшее разочарование, он достал из своей крошечной котомки заветный генератор, прикрепил электроды к выемкам на затылке у основания черепа, переключил тумблер и унесся в погоню. Именно с того времени он стал воплощаться в военных.

Но быстро настигнуть Наума, или, точнее, того, кто оказался в теле Наума, ему не удалось. Вынырнув из потока в Помпее, он не обнаружил там ускользнувшего Наума. Только в пыли и пепле валялась какая-то толстенная баба, о которую он, чуть было, не споткнулся, и больше никого не было...

Краем глаза он отметил, как Курт выводит с баржи дюжину изможденных желтухой и голодом пленных. Через минуту, сопровождаемые двумя автоматчиками, они скрылись в зарослях ив. Послышались длинные автоматные очереди, затем прозвучало несколько сухих пистолетных выстрелов.

Исполнительный Курт, безошибочно улавливающий суть не отдаваемых приказов, вновь возник перед капитаном. Но Арон Евсеевич даже не взглянул на него. Теперь он завтракал, поглощая глазунью из трех яиц, зажаренную на сале с розовыми прожилками мяса. Денщик сварил кофе и его аромат распространился далеко по округе. Две сотни голодных русских бойцов бросали звериные взгляды на немца и в немой бессильной злобе сжимали кулаки.

Знакомое чувство безграничной

власти пробудилось в Гельмане. Впервые он соприкоснулся с ним, когда ветренным днем 6 февраля 1919, укутавшись овчиной, лежал на соломе в санитарной бричке, запряженной парой исхудалых лошадей. Плестись в хвосте обоза, медленно вкатывающегося в составе одного из большевистских полков в Киев — кровавую арену гражданской войны, он предавался невеселым размышлениям. Чудом, пережив тиф, ослабленный болезнью, Гельман перебирал в памяти перипетии своих скитаний по времени и земному пространству. Еще месяц назад Арон Евсеевич был отчаянным рубакой, лихим эскадронным командиром, всегда готовым на дерзкие вылазки в расположение войск ненавистной белогвардейской сволочи, а ныне стал немощным, растерявшим в изнуряющей болезни вкус к «беспощадной борьбе», евреем. Теперь он больше походил на жалкого аптекаря, чем на доблестного красного командира.

— И что вы себе думаете, мось Гельман? — раздался голос фельдшера, человека неопределенного возраста, с лица которого никогда не сходила гаденькая ухмылочка, как бы говорящая: «Ну, про тебя-то, шельмеца, мне все известно. Вижу тебя насквозь и глубже, так что мели, Емеля — твоя неделя». Он подошел откуда-то сбоку и, взявшись за хлипкий борт брички, мерил шаги рядом с повозкой. — Послушайте старого, мудрого Финкеля, судя по внешнему виду, вам следовало бы месячишко придерживаться постельного режима. А что ж вы хотите? Тиф — это никакой-нибудь триппер, эта болезнь требует тонкого обхождения. Я знаю, что вы мне скажете. Мировая революция, пепел измученных чертой оседлости и процентными ставками евреев, стучит в вашем горячем сердце. Но...Ах, что бы вы все делали без старого Финкеля, — выражение его лица приобрело значительность и, поскребя кончик своего крючковатого носа, он продолжил:

— Вы, конечно же, знаете моего старого друга Иоффе из чеки. Так вот,

намедни я виделся с ним. И что вы хотите? Им срочно требуется помощник коменданта. Работа кабинетная.

Гельман закрыл глаза. ЧеКа так ЧеКа, особо выбирать не приходится, и он едва заметно кивнул соглашаясь.

По прошествии некоторого времени, несколько окрепнув, Арон Евсеевич отправился на угол Елизаветинской и Екатерининской в особняк сбежавшего буржуя Попова, где разместилась ВУЧК — главная политическая опора большевиков, истребляющая чуждые гегемону классы. Дежурный комиссар определил его в Губчека, что разместилось в генералгубернаторском доме. Передовому отряду революции требовались проверенные кадры...

К Угарову — главе этого учреждения, из бывших портных, властвующему над жизнями несчастных горожан совместно с женой — он решил не ходить, пока не повидается с Иоффе. К тому времени Иоффе был старшим следователем и довольно влиятельной фигурой в городе. Отыскав его в кабинете, скорее даже каморке, на втором этаже, он увидел перед собой молодого человека приятной наружности, в безукоризненно сшитом офицерском френче. В глаза бросалось отражающиеся на лице жесткое сладострастие, свидетельствующее о вкушении крови многих жертв. Арон Евсеевич долго не мог понять, отчего он никак не может заглянуть в глаза этому человеку, в тяжелом взгляде которого сквозила сосредоточенная жестокость, пока не представился случай быть с ним в деле.

Некоторое время Гельман был занят сочинением декретов. Так не без его участия в свет вышел декрет «О мебели», гласивший, что количество мебели, которое полагается семье должно быть ограничено одним шкафом, кроватями и стульями по количеству членов семьи и еще (невиданная роскошь!) позволялось иметь два стула для гостей, остальное подлежало изыманию властями. Вскоре был рожден еще один перл социальной справедливости: декрет о бельевой

повинности. Гражданам Украины отныне полагалось не больше шести комплектов белья, излишки подлежали изъятию для нужд трудящихся и Красной Армии. Эта деятельность его забавляла, и вообще вся большевистская система, способствующая развитию самых подлых и низких наклонностей, ему нравилась.

Как-то летом, слушая Троцкого, ему запало в душу одно из его метких выражений: «Украина похожа на редиску: внутри белая, снаружи красная». Как это верно было сказано! Сколько напускной смиренности у киевлян, только и мечтавших о расплате! Но нет, мы — большевики, всерьез и надолго обосновались у кормила государства. И не будет пошады притаившимся угнетателям трудового народа! Мы не какой-нибудь Петлюра, царствовавший в городе два месяца и скромненько, втихую убивший около четырех сотен офицеров, полуразложившиеся трупы которых были обнаружены за городом. У нас подход объемный, можно сказать, системный.

По совету Иоффе, вздумавшего покровительствовать новому сотруднику, Гельман поселился в Липском переулке — облюбованной комиссарами части города. Часто прогуливаясь по Садовой и доходя до Институтской, он с любопытством наблюдал, как у маленького здания, разместившегося на углу пересечений улиц, толпится народ из «бывших». Здесь располагалась канцелярия ЧК и родственники тех, кто по простоте душевной полагали, что тихие, никого не трогавшие и политикой не занимавшиеся купцы и домовладельцы останутся вне зоны внимания сурового гегемона, приходили сюда в надежде узнать о судьбе своих близких. Но не тут-то было! Здесь правили хамство, грубость и беспощадность. Редко кому удавалось сунуть в окошко продуктовую передачу в надежде, что она дойдет по назначению. И к этому столпотворению Арон Евсеевич приложил руку. Он видел, как пожилая, статная женщина, почерневшая от испытаний, выпавших на ее долю, ре-

гулярно приходила с небольшим свертком в руке, справиться о своем муже — 75-летнем старике, которого вначале гоняли на принудительные работы по обустройству концентрационных лагерей на берегу Днепра, а после забрали в качестве заложника. Дело старика вел он — Гельман, — и теперь его разбирало любопытство, чем закончатся мытарства этой пожилой пары.

За прошедшие полгода службы в качестве помощника коменданта он многое испытал на новом поприще и полюбил обретенное ремесло. Одно время он с головой отдался обыскам, этому публичному раздеванию униженных горожан. Он видел, как в их душах зарождается чувство бессильной ненависти к «хаму», к тому, кто оплевывал несчастного, и смеялся в лицо. Во время рейдов он заметно поправил свой гардероб, обзавелся отменной обстановкой в квартире, припас кое-что из золотишка на черный день. Были достаточно длительные периоды жизни, когда он напрочь забывал, что явился сюда временным гостем, и тогда жил на всю катушку.

С особым размахом он предался разгулу после того, как с Иоффе и еще одним помощником коменданта Тереховым — высоким, стройным молодым человеком, попал в подвал Губчека. Их пригласил комендант Михайлов, законченный кокаинист, помочь с ликвидацией. Здесь-то он и обнаружил причину сосредоточенной жестокости в глазах старшего следователя, присутствие которого было вовсе не обязательным на, как тогда выражались, проходах перед отправкой в штаб Духонина. Приняв наркотик, он, удалившись в кокаиновые грезы, наконец, поднял глаза. Они горели бесовским пламенем, человеческий лик сменился звериным оскалом. А в это время Михайлов, выгнав голых арестантов в сад, в лунную ночь, устроил охоту на обреченных.

Спьяну, отменный стрелок Михайлов, редко убивал жертву с первого выстрела. В ясном лунном свете, искаженные предсмертным страхом си-

ренивые лица приговоренных, мелькали за деревьями сада, распалая охотничий азарт. Раненые стонали, и тогда Терехов подходил к страдающему от боли, присаживался на корточки, приговаривая: «Ну, что, дружок, ты уж отмучился. На Руси испокон веку заведено: дважды не казнят. Так что легко отделался». После того, как жертва немного успокаивалась от тихого, участливого голоса палача, Терехов вынимал наган и добивал приговоренного выстрелом в голову. После, очень довольный собою, он говорил, что таким образом причащает страдальцев...

После той ночи Гельман стал завсегдатаем подобных развлечений, по окончании которых они всей гурьбой отправлялись в Липский переулок, где устраивались оргии с участием юных комсомолок и прочего сброда из совслужащих. Здесь же, свалив в кучу одежду и другие пожитки убитых, компания приступала к дележу добычи.

Он накоротке сошелся еще с одним комендантом — Абнавером, типом скрытых садистических наклонностей, редким образчиком представителя той части человечества, коя лишена отвращения к преступлению. Кровь пьянила этого палача, и он, переняв от Терехова принцип усыпления душевных тревог приговоренных, наслаждался, когда жертва уже почти поверив в благоприятный исход дела, неожиданно видела черный зрачок уставленного в лицо револьвера. Надлом психики, который почти всегда случался у человека приводил в восторг Абнавера, он признавался, что в этот момент испытывает ни с чем не сравнимое наслаждение. «Никакой бабы не надо», — часто говорил он.

Время ускоряло свой бег. Общее обнищание населения отчетливее проявлялось с каждым днем. Теперь уже на Крещатике элегантно одетых дам не встретишь. Публика все больше попадалась в «демократическом» одеянии: мелькали кожанки да солдатские шинели. Ему стало невыносимо каждодневно видеть тупые, бес-

смысленные лица солдат-исполнителей, готовых во имя своих низменных желаний десятками гробить человеческие жизни. Арону Евсеевичу наскучило это бессмысленное истребление, к тому же ночные сны превратились в кошмары с явлением душ убиенных. Кокаин больше не помогал, и он поспешил удалиться от этой приевшейся сладкой жизни. Близился август. Добровольческая Армия приближалась к Киеву, не оставляя сомнений в намерении захватить город и поквитаться с садистами. Гельман не стал испытывать судьбу. Отыскав генератор, он вскоре закрутился в вихре времени...

Покончив с завтраком, Гельман утер жирные губы белоснежной льняной салфеткой и поднялся во весь рост. Вдали послышался мерный стук дизеля буксира, приближающегося к барже. После трапезы настроение заметно улучшилось, и он решил немного размяться. Подойдя к воде, он увидел, как у самого берега кружилась стайка мальков. Ему показалось забавным, что вот он, капитан Вермахта, легко решит судьбу этих безликих русских скотов, но бессилен перед рыбьей стайкой. Он улыбнулся и в этот же момент почувствовал сильнейший толчок в спину. Под левой лопаткой кольнуло, дыхание сперло, и Гельман повалился в воду.

В худых сапогах хлопала утренняя роса. Нащупав в противогазной сумке остатки сырого хлебного мякиша, облепленного махоркой, Серов не стал его доставать — неприкосновенный запас, на крайний случай. Присев на поваленное сухое дерево он снял сапоги, намереваясь перемотать портянки. Звезды на небе своде блекли, и их реликтовое излучение рассеивалось в сиреновом воздухе. Сквозь листву деревьев начинал слабо сочиться утренний свет еще невидимого солнца, пробуждая суефлюющую жизнь насекомых и их врагов — всяческих птах...

Оторвавшись от танков, он долго держался за маячившей впереди меж

разрывов спиной лейтенанта. В том, что это был Зотов — сомнений не было. Но, достигнув прибрежных зарослей, Серов потерял его из вида.

Поднявшийся ветер прояснил утреннюю сумеречность, и тут же чуткий слух Серова уловил треск сучьев неосторожно пробирающегося в зарослях человека. Вскочив, он как был босиком, кинулся к ближайшему кусту, на ходу передергивая затвор винтовки. Из-за деревьев показался по пояс голый лейтенант.

— Эй! Витька, ты что ли? — крикнул Серов из кустов. — По уху вижу, что ты. Куда гимнастерку-то свою модную дел? — Он вышел из укрытия, однако, не опустив оружия.

— Немчуря коммунистов и офицеров к стенке без разговоров ставит. А я, как выясняется, еще и член ВКП(б), уж целый месяц. — ответил Зотов.

— Тебя, дурака, по сапогам хромовым вычислят. Где твой «ГТ»?

Зотов вяло махнул рукой, присаживаясь на ствол поваленного дерева.

— Где же это хранится генетическая память ранее существовавшего человечества? Неужели в этой маленькой коробочке? — он постучал себя по лбу.

Серов не ответил. Его обостренный слух уловил мерное тарыхтение двигателя, доносившееся с реки.

— Пойдем от греха подальше, поищем, где поуже речка, да переправляться к нашим уж пора. Хотя, похоже, что мы опять в окружении, — наматывая портянки, добавил Серов. — Ты чего это бесновался возле подбитых танков?

— А шут его знает! Какой-то вундерный протест в меня вселился. Не было сил смотреть на это безрассудное звериное стадо. Не даром говорят, что пандемия страха — вот что роднит человека с животным. А все мы, бегущие, были заражены этой эпидемией, остановить которую не было возможности. Это как табун несущихся лошадей. А я по простоте душевной, решил их остановить. Ну, а дальше ты сам все видел...

Приятель довольно быстро продвигались вдоль реки в поисках подходящего места переправы. Пловцы они были неважные, и лишний метр водной поверхности имел большое значение для обоих. Вскоре они услышали лай собак и прибавили шаг.

Сквозь заросли показалась баржа с пленными. В отдалении стоял офицер собирающийся закусить. Какой-то пухлый коротышка что-то орал, вытащив «Вальтер» из кобуры. Больше десятка пленных зачем-то обратно вывели с баржи и повели в гущу прямо по направлению к притаившимся окруженцам. Они уже отчетливо видели желтые, с запавшими глазами, лица русских солдат, когда коротышка махнул рукой и два автоматчика, следовавших сбоку, открыли огонь. Пленные падали, словно подкошенные кегли. Все было кончено за несколько секунд. Потом распорядитель этого страшного действия, прохаживаясь меж трупам, извлек из кобуры «Вальтер» и сделал несколько выстрелов.

Пораженные, охваченные ужасом, Зотов с Серовым неотрывно наблюдали за этой кошмарной сценой. Их побелевшие лица выражали отчаянную решительность. Наконец Зотов прорипел:

— Имеешь ли желание испытать силу евангельского духа, дабы пробудить добро, сокрытое в душе особо просвещенного германца? Нет? Ну, так дай-ка мне изделие товарища Мосина образца 1891 года.

Серов передал ему винтовку, промолвив:

— Один патрон в патроннике, другой в магазине. Больше боезапаса нет.

Зотов не слушал. Он весь сосредоточился на мушке, подыскивая подходящую цель. Между тем офицер покончил с завтраком и отправился размять кости к самой кромке воды. Его сторбленная спина в сером мундире очень хорошо ложилась в прицел. Через мгновение спусковой крючок был нажат, и звук раскатистого винтовочного выстрела разнесся над рекой. Пуля, вырвав клочок

материи, вошла под левую лопатку. Немец, пошатнулся, а затем грузно рухнул в воду. Тут же тишину разорвала автоматически-пулеметная трескотня. Не было возможности поднять голову, настолько густо пули впивались в окрестный грунт. Вдруг стрельба кончилась и, спустя секунды, натасканные на пленных овчарки, уже рвали одежду на студентах из XXI века, так не кстати заблудившихся во времени.

Запыхавшийся фельдфебель, вытирая тряпичей свою красную физиономию, что-то гортанно проорал, выкатывая глаза из орбит. Две пеньковых петли вскоре свисли с крепкого дубового сука. Без лишних слов Зотову и Серову петли были брошены на шею и в лучах, уже довольно высоко поднявшегося солнца, закачались на веревках два молодых тела бойцов Красной Армии.

— Что это вы, мальчики, так приподнялись? — разухабистая Люська, верная подруга по праздному времяпрепровождению, стояла возле окна напротив аудитории, внимательно разглядывая в зеркальце свое лицо. — Вы что же, не в курсе? Арон Евсеевич сегодня ночью помер. К его инсульту присовокупился инфаркт, ну и не выдержала душа халдея... В общем, экзамен на послезавтра перенесли.

Наконец оторвавшись от своего занятия, она посмотрела на приятелей. Зотов и Серов отметили, как лицо студентки вытягивается, а глаза, и без того огромные, расширяются, угрожая выпасть из орбит. Они переглянулись. Да, было от чего прийти в замешательство. У обоих на шее отчетливо проглядывались следы от удавок. Посеревшие лица свидетельствовали о несоразмерно высокой нагрузке выпавшей на их обладателей в последние часы. К тому же ухо Зотова так и не приняло естественный цвет, привлекая внимание проходящих мимо едко ухмыляющихся молодых людей.

— Ну и видок же у вас! Ночью — то где были? Пьянствуете все, да по девкам таскаетесь?

— А где народ? — зачем-то поинтересовался Серов.

— Как где? В пивняке конечно же.

Зотов, вполуха слушая их, потянул за рукав приятеля и зашептал:

— Ты не забыл о тетрадке Евсеевича? Самое время забрать ее.

Серов помрачнел, что-то обдумал и ответил:

— Ну ее к шутам собачьим, тетрадку эту! Ты как знаешь, а я — пас. По мне так лучше пива попить, а не шарахаться по лабиринтам извилин, — он круто развернулся и быстро шагнул прочь — туда, где многие находят забвение, не тревожа свой ум. Позыв к действию утонет в пивном хмелю, но изредка он все же будет теревить его душу, раздражая до тех пор, пока не растворится со временем, смиряя Серова с обыденностью.

2. Ступая босыми ногами по тресканной мертвой земле, усыпанной осколками битого стекла, Зотов пытался уловить малейшие шорохи, что обычно в изобилии наполняют окружающий мир. Но тщетно — безмолвие ватой накрыло окрестности. В небе, как приклеенные, висели бледно-розовые облака, солнце жгло, и не было ни одной птицы, оживляющей эту нерадостную картину. Его взору не на чем было зацепиться. Холмистая поверхность земли лишенная растительности, вот и весь ландшафт.

«Где это я? На Земле или... Да нет, определенно на Земле. Быть может, в будущее занесло? Вряд ли. Вот черт! Откуда столько стекла?», — размышлял он, до боли в глазах всматриваясь вперед. Из его разрезанной острем стеклом лодыжки почему-то не текла кровь. Он стоял на одной ноге и внимательно смотрел на образовавшуюся резаную рану, с каждой секундой все более и более недоумеая: «Это что значит? И совсем не больно. Не понятно! Прав Митька: лучше пиво пить, чем вот так-то по стеклу босиком бродить».

Он осмотрел свой туалет. Ничего особенного. Все то же, что было на

нем до перемещения, только почему-то он был босой. Не очень-то удобно для путешествующего путника по битому стеклу. В некотором отдалении, справа от мысленно проложенного маршрута, он заметил какое-то шевеление. Сначала возникло фосфорическое сияние, а затем на фоне неподвижных облаков оно постепенно стало густеть, превращаясь в одинокую человеческую фигуру в грязно-сером мундире. Он медленно направился к ней.

Возникший из дымки незнакомец что-то чертил тонким высохшим прутиком на песке. Услышав приближающиеся шаги, он поднял голову. Глаза его были пусты, невыразительны, как у рыбы, и смотрели они как бы сквозь Зотова. Полдничный тяжелый зной висел над их головами, но кожа при этом была суха, ни единой росинки пота. Остановившись в трех шагах от незнакомца, Виктор с удивлением узнал в нем Арона Евсеевича Гельмана, облаченного в форму немецкого гауптмана.

— Не может быть! Вас уж с месяц как похоронили!

— Сегодня 40-й день пошел, — как-то безразлично отозвался Гельман. — Значит, что-то будет... Один глупец пулей разорвал мое сердце. Уж не ты ли будешь-то? Вижу, вижу, добрались до моей тетрадки.

— Да уж, почитал. Вряд ли сыщешь еще одного такого, кто уснуть не может, пока дряни какой не сделает. Помните, в Киеве-то, а? А ухо мое чем не понравилось?

Арон Евсеевич не ответил. Казалось, он потерял интерес к неожиданно возникшему Зотову в этом мертвом мире. Как и прежде окружающее не менялось, создавалось ощущение, что эти двое разместились внутри гигантской фотографии, запечатлевшей безжизненный пустырь. Безмолвие угнетало, и Зотов, не выдержав, спросил:

— Где это мы?

Гельман грустно усмехнулся, помолчал, и, тяжело вздохнув, ответил:

— Нигде. Этот унылый пейзаж я наблюдаю вот уже 31-й день, то есть 40-й после смерти, а попал я сюда на

девятым. Ясна арифметика? Как твоя фамилия? Зотов? Ну, так вот, Зотов, мы с тобою тени теней, ничто, прах... Мы в том мире, откуда нет пути ни назад, ни вперед. Ты-то как сюда попал? Босой. Под машину попал что ли? Молчишь? Весь фокус в том, что ты мертв, Зотов, как и я. Так случается: живешь, живешь, а потом бац, и... Однако все эти краденные жизни, что довелось прожить мне, во сто крат слаще моего никчемного существования в нашей реальности! А, Зотов?

— В особенности жизнь помощника коменданта, или вот этого немца, которого я снял из трехлинейки.

— Значит, это все-таки ты, маленький стервец, отправил меня сюда. Смертоубийца, проливающий на землю кровь, душа у тебя Каинова... Отчего один?

— Митька познал начало мудрости — страх Господень, а посему отказался от дальнейших блужданий по неизвестности и перешел на пиво пенное...

— Разумен. Как там у Соломона: «Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь; и придет, как прохожий, бедность твоя...». Бедность не материальная, но духо... Впрочем, лучше оставить эту скользкую тему выбора.

— Это уж точно. «Духо...». Но неужели я мертв? Все же приятнее, в какой угодно бедности пребывать, чем в этой пустыне со стеклом.

Гельман промолчал. Затем тяжело поднялся, отряхивая прилипший к галифе песок, нахлобучил на голову фуражку, и как-то отрешенно сказал:

— Похоже, пора, пришел мой час, — и он медленно побрел к горизонту, линия которого виднелась за холмами. Еще долго было видно ссутулившуюся его спину, и маленькую дырку на кителе под левой лопаткой, обрамленную бурым пятном засохшей крови.

Провожая взглядом удаляющегося Гельмана, Зотов неожиданно почувствовал нарастающую боль в поврежденной стеклом лодыжке. Глянув на ногу, он увидел, как из ранки сочится

кровь, и тут же почувствовал на щеке ласковое прикосновение горячего ветра, и откуда-то издалека послышался гомон птиц...

«Не-е-т, врешь, халдей! Я еще попочу небо в нашем, живом мире», - ощутив душевный подъем, подумал он, и нащупал в кармане генератор, изготовленный по чертежам Арона Евсевича, навсегда ушедшего в небытие...

Глоссарий:

Юбилейный год — в каждый последний год 50-летнего цикла в Иудеи объявлялись долги недействительными.

Хитон — широкая, падающими складками, одежда.

Хламида — верхняя одежда в виде плаща у древних греков, римлян.

Подир — длинная одежда иудейских первосвященников.

Эл — в древнеизраильском божественном пантеоне творец и владыка небес и земли.

Ашера — верховная богиня и супруга Эла.

Таршиш — «край света» (Южная Испания).

Бродяга-ивр - иври (еврей), соци-

альная группа, по истечении 7 лет освобожденная из долгового рабства и переходящая в статус хофши (не имущий).

Ф. М. Ртищев (1623-73), приближенный царя Алексея Михайловича, отличался кротостью нрава и благотворительностью.

Хиба — разве

Чужебесие — пристрастие ко всему иностранному.

Кузьма Косой — смутьян, раскольник

Людодерство — взяточничество.

Позорище — зрелище.

Жи — бомбардировщик фирмы Юнкерс («Штука» Ю-86; 87; 88).

ТТ — пистолет Ф. В. Токарева, обр. 1930 г.

«Отправить в штаб Духонина» — расстрелять, на жаргоне большевистских тюремщиков. Генерал Духонин — главнокомандующий русской армией, был зверски убит большевиками в ноябре 1917 г.

Фамилии и события, относящиеся к деятельности Губчека и ВУЧК (Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия) подлинны, источник: Доклад ЦК Российского Красного Креста о деятельности ЧК в Киеве, 14 февраля 1920 г.

ОБ АВТОРЕ:

Петр Ртищев родился в 1959 году в городе Красноярске в семье военного (поэтому пришлось пожить в разных районах бывшего СССР — от Крыма до Омска). Высшее образование получил в Московском Электротехническом институте связи; кандидат технических наук. Четыре года отслужил в рядах ВС СССР; работал мастером (затем начальником участка) по строительству линейных сооружений городской телефонной сети, начальником цеха связи тропосферной связи на полуострове Ямал, инженером в НИИ им. И. В. Курчатова и др. С 1991 года руководит рядом малых предприятий в сфере проектирования и строительства коммуникаций.

Рассказы П. Ртищева публиковались в периодике; в 2005 году вышла книга прозы «Блуждающие во мраке» (в соавторстве с В. Бондарчиком).